

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ МЕДИТАЦИЯХ Ф. И. ТЮТЧЕВА

А. С. Пушкин (1799–1837) и Ф. И. Тютчев (1803–1873) – два непревзойденных поэтических новатора, две национальные, всё ещё недопонимаемые загадки, два разных пути, проложенных ими. Каждый из них оставил после себя свою поэтическую школу, невероятное число последователей, почитателей, восторженных читателей, свои поэтические тайны, какие их живые свидетели тут же брались открывать. Они, будучи современниками, как два русских поэта одной эпохи, даже не удосужившихся встретиться и поговорить, особо пристально исследовались литературоведами (В. В. Кожин, Ю. Н. Тынянов, Н. В. Королёва и др.). Настолько часто, что не обходилось без крайностей сродни тыняновским (дискуссионная статья «Пушкин и Тютчев» (первая пол. 1920-х гг.)). При этом А. С. Пушкин, первый национальный русский поэт, почти ничего не знал о *«поэте из Германии»*. Ф. И. Тютчев же, как и многие, благоговел перед живым воплощением Гения в пушкинском лице. Свидетельства же самих очевидцев о наших поэтах позволяют нам увидеть других Пушкина и Тютчева. Причём лишь последний в знак нескрываемого восторга, полемизируя, часто диалогизировал с великим «кучерявым магом». О Ф. И. Тютчеве именно в пушкинском и языковском контексте пророчливо отметил один из основоположников славянофильства А. С. Хомяков (1804–1860): «...Не стыдно ли молчать, когда Бог дал такой голос?... Он же насквозь поэт (*durchunddurch*), у него не может иссякнуть *источник поэтический*. В нём, как в Пушкине, как в Языкове, *натура античная* в отношении к искусству...» [8]. Увиденная в Ф. И. Тютчеве «*натура античная*», на наш взгляд, самое точное определение в понимании своеобразия тютчевского творческого мастерства. Особенно в понимании категории рока. В сопоставлении ж с пушкинским интересом к античности поэт с истинно развитым «космическим чувством», Ф. И. Тютчев, превзошедший своих учителей С. Е. Раича и А. Ф. Мерзлякова, более чем серьёзен. Он совершенно далёк от игриво-забавной, анакреонтической лёгкости А. С. Пушкина. Однако занимало Ф. И. Тютчева в А. С. Пушкине совсем не забавно-лёгкое, а как раз то, что такого лишено: гражданственно-политическое и даже историософское. И в этой связи Тютчев-чужак в отношении к Пушкину, не терпевшему самую службу, нам и интересен. Открыть тайну особого пушкинского влияния на образ мира «поэта мысли» Ф. И. Тютчева, как нам видится, значит разгадать маленький секрет поэтико-философского мастерства, хотя бы одного из поэтов. Исследуя пушкинское слово в поэтико-медитативной концентрированной мысли Ф. И. Тютчева, становится заметной тютчевская полемика с пушкинским мнением. И это самое интересное: что Ф. И. Тютчев, внутренне принимая, творчески оспаривает. Пушкина-свободолюбца, само собой царскосельского выпускника и даже вольтерьянца (слово, считавшееся уничижительным, но реабилитированное именно первым русским поэтом), можно представить. Его петербургская ода «Вольность» (1817) – особый, весьма подробный ответ смельчаку А. Н. Радищеву (1749–1802), ярому борцу с ненавистными в Российской Империи крепостничеством и самодержавием. Радищевский революционно-просветительский анализ Свободы (1781–1783, 1790) как таковой, добытой в революционном горниле американцами и французами, он требует и в России.

Изучая тютчевские реакции на Пушкина, а последнего – на Радищева, мы имеем возможность понять своеобразие гражданственной позиции каждого из них. И без радищевского, аналитико-исторического контекста нам не обойтись, ведь он всё объясняет. А также проясняет особенности восприятия поэтами господствовавших в пушкинскую эпоху философских учений. Одна из таких особенностей была определена ещё самим А.Н. Радищевым в несколько руссоистском понимании: «...Таков есть закон природы: из мучительства рождается *вольность*, из вольности *рабство*...» [4]. Это в автокомментарии из «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790). В самой же оде читаем: «...*О вольность, вольность, дар бесценный, / Позволь, чтоб раб тебя воспел, / Исполни сердце твоим жаром, / В нём сильных мышц твоих ударом / Во свет рабства тьму претвори, / Да Брут и Телль ещё проснутся, / Седяй во власти, да смятутся / От гласа твоего цари*...» [5]. Бунтарский и откровенный, резко революционный дух радищевской мысли прочувствовала, конечно, не только просвещённая Екатерина II. Но и сам А. С. Пушкин, оказавшийся не только под впечатлением от самой радищевской оды, но и от событий, произошедших в Михайловском замке, побуждён каким из окна тургеневской квартиры, он и создал свою оду. «Первый наш романтический поэт» (по определению князя П. А. Вяземского) чётко подчеркнёт: «...Лишь там над царскою главой / Народов не легло страданье / Где крепко с *Вольностью святой* / Законов мощных сочетанье; / Где всем претёт их твёрдый щит, / Где сжатый верными руками / Граждан над равными главами / Их меч без выбора скользит...» [2, с.252]. То есть в куда более смячённых формулировках выступит также за революционное решение вопроса об *русском самовластии*, вторя, таким образом, нарождающимся декабристским взглядам. Основной смысловой акцент окажется поставленным на необходимости законной власти (власти, опирающейся на закон). И не будем всё-таки забывать о пушкинском неприятии Великой Французской буржуазной революции вообще. Что многое проясняет. Автоматически поэт оказывается против руссоистского сценария, гласившего, что «всякий акт суверенитета, т.е. всякий подлинный акт общей воли, представляет собой *соглашение Целого с каждым из его членов*» [6]. Возникает закономерный для поэта вопрос: возможно ли такое соглашение между людьми? И его ответ, основанный на исторически живых примерах, категорическое «нет». Так, радищевский бесспорный мотив справедливого народного возмездия тиранам будет поэтом оригинально развит. Ф.И. Тютчев же и того более пойдёт далее в своей медитации «К оде Пушкина на Вольность» (1820), заявив: «...Воспой и *силой сладкогласья* / Разнежь, растрогай, преврати / *Друзей холодных самовластья* / В друзей добра и красоты! / Но граждан не смущай покою / И блеска не мрачи венца, / Певец! Под царскою парчою / Своей волшебною струною / Смягчай, а не тревожь сердца» [3, с.412]. Тютчевские дополнения весьма парадоксальны и при этом необычайно противоречивы. Пушкинские мотивы сочетания вольности с законом и неприятия естественной власти со страстным негодованием в сторону самовластья Тютчев как консерватор во взглядах переворачивает в мотив поэтического дара пения и сладкогласия, какими тот обязан трогать «*друзей холодных*», дабы растопить их до «друзей добра и красоты». Что и говорить: истинно идеалистический, тютчевский взгляд. Ведь и касательно декабристов он весьма скептичен, говоря о них: «*Вас развратило Самовластье*» («14 декабря 1825»). Определив их «жертвами мысли безрассудной», поэт видит в них такой же холод, как и в «*зиме железной*» – самодержавье. Даже видный историк В.О.

Ключевский (1841–1911) о декабристах будет весьма невысокого мнения, когда скажет: «...Декабристы–историческая случайность, обросшая литературой. У нас доселе господствуют не совсем ясные, не совсем согласные суждения насчёт события 14 декабря; одни видят в нём политическую эпопею, другие считают его великим несчастьем...»[1]. Но Тютчеву нельзя не воздать должное: взяв за основу пушкинские мотивы, он углубляет их до основательных исторических обобщений, позволяющих ему объяснить, прежде всего, сами причины декабристского поражения. И уходит в истоки самой Революции как противоестественного России явления. Причём делает далеко идущий вывод в своей французской статье «Россия и Революция»(1849) о том, что «Революция–враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции... именно в нём заключён её особенный характер, сама суть её»[7].

Таким образом, о консервативно настроенном Ф.И. Тютчеве и близком к идеям декабризма А.С. Пушкине немало сказано и отмечено как о факте. Но нам было важно подчеркнуть существенные несогласия одного из основоположников русской поэтико-медитативной традиции в тех местах у А.С. Пушкина, какие были им дополнены, поправлены и с какими он сам был внутренне не согласен.

Литература

1. Ключевский, В. О. Курс русской истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com>. – Дата доступа: 23.10.2018.
2. Коровина, В. Я. Новейшая хрестоматия по литературе: 9 класс / В. Я. Коровина, Г. И. Беленький, В. Г. Марандман. – 2-е изд. – М.: Эксмо, 2010. – 928 с.
3. Боратынский, Е. А. Поэзия. Проза. Публицистика / Е. А. Боратынский, Ф. И. Тютчев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 763 с.
4. Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву (глава 20. Тверь) [Электронный ресурс] / А. Н. Радищев. – Режим доступа: <http://www.rushist.com>. – Дата доступа: 23.10.2018.
5. Радищев, А. Н. Больница [Электронный ресурс] / А. Н. Радищев. – Режим доступа: <http://www.r/b.ru>. – Дата доступа: 23.10.2018.
6. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права. Трактат / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.
7. Тютчев, Ф. И. Россия и Революция. [Электронный ресурс] Ф. И. Тютчев. – Режим доступа: <http://www.ftutchev.ru>. – Дата доступа: 23.10.2018.
8. Хомяков, А. С. Из письма А.Н. Попову, 1850 г. [Электронный ресурс] / А. С. Хомяков. – Режим доступа: <http://www.kray32.ru>. – Дата доступа: 23.10.2018.